Культура повседневности

СУЩНОСТЬ И СТРУКТУРА ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Л.В. БЕЛОВИНСКИЙ

Историческая наука, родившаяся как описание ярких событий и деяний выдающихся личностей, пройдя этап анализа политических, социальных и экономических систем, медленно трансформируется в науку о типичном человеке в его историческом времени. Человек же существует в рамках его повседневной жизни, и поэтому перед исторической наукой стоит задача изучения истории повседневности.

Повседневность анализируют преимущественно социологи, и то с относительно недавних пор. Историки же фактически стали обращаться к ней лишь в последнее время. При этом изучение повседневности пока идет на интуитивной основе, как чего-то само собой разумеющегося. Что касается социологии повседневности, то здесь основной целью стало изучение правил взаимодействия индивидов в определенном сообществе. Думается, что это могло бы послужить отправной точкой и для историков.

Можно допустить, что повседневность есть *реализация в процессе общественного бытия существующих и выработка новых культурных норм, стандартов и ценностей, формируемых жизненным опытом индивида и социума*. Она выступает как *сочетание различных видов специализированной и обыденной деятельности, детерминированных ценностными ориентациями человека, переживающего здесь и сейчас как настоящее, так и неотъемлемое от него прошлое, как субъективно, в живом восприятии, так и объективно, как данность, налагающую отпечаток на настоящее*.

Повседневность обнаруживает свойства универсальности: практически нет таких жизненных сфер, которые были бы вне повседневности. Она выражается в «правилах игры» коллективной жизни социума: мотивациях, социальной стратегии, нормах и правилах, стандартах адаптивной деятельности, организации, коммуникации, регуляции, в нравах, обычаях, ритуалах, стереотипах восприятия и поведения, вкусах, оценках, творчестве, труде, формах отдыха и других регуляторах общественного поведения этносов, страт, социокультурных микрогрупп и индивидов в процессе общественного бытия в каждый исторический момент. Объединяет эти аспекты образ жизни как способ реализации в формах повседневного бытия представлений о мире (картины мира), системная и нормированная совокупность форм жизнедеятельности людей, порядков и форм их повседневного существования.

Повседневность есть практика общественного бытия, формируемая элементарной рефлексией и несущая на себе ее отпечаток в сочетании с практически нерелексивной рутинной обыденности. Она творится в определенной культурной среде. Если исходить из представления о культуре как совокупности исторически складывающихся и постоянно видоизменяющихся актуальных норм и стандартов человеческой жизнедеятельности, порожденных потребностями воспроизводства человека, взаимодействия людей, то культурная среда будет определяться как социально-пространственно-временной континуум с действующей совокупностью определенных норм и стандартов этого взаимодействия, а повседневность — как формы реализации этих норм и стандартов и усвоения ценностей.

Поскольку культура реализуется только в повседневном бытии человека, они неразделимы и, говоря о повседневности, необходимо постоянно апеллировать к культуре. В повседневности сочетаются как обыденная, так и специализированная культура, включая ее высший уровень — культуру профессиональную, поскольку творчество, инновативность являются частью повседневной жизни, разновидностью труда многих или даже практически всех социокультурных страт.

Схематически культурно-исторический процесс и его результаты могут быть представлены цепочкой: технологии — производство — продукция — технологии. В качестве технологий здесь выступает собственно культура, способ исторического бытия человека. Эти технологии применяются при производстве культурных ценностей. Процесс их производства и есть повседневность человека. Результатом производства с применением определенных технологий становятся новые культурные ценности. В дальнейшем они используются в качестве технологий в процессе производства последующих ценностей. Процесс производства, т.е. повседневность, непрерывен, но в ходе него происходит смена технологий, которая и есть смена парадигм культуры.

Культурные нормы и стандарты, свойственные той или иной локальной культуре или даже метакультуре, могут получать разные формы реализации в повседневности разных социокультурных групп. Эти формы реализации культурных норм и стандартов становятся характерными признаками субкультур этих групп. Таким образом, обращаясь к повседневности, можно рассмотреть не только сами нормы и стандарты, свойственные данной культуре, но и способы их интерпретации различными социокультурными группами.

В процессе исследования понятие повседневности получает то или иное вербальное оформление, в том числе в виде словарной дефиниции. Такова дефиниция, предложенная Л.Г. Иониным в словаре «Культурология. XX век», а также дефиниция, данная в двухтомной энциклопедии по культурологии. Определение повседневности

Ионина звучит следующим образом: «...процесс жизнедеятельности индивидов, развертывающийся в привычных общеизвестных ситуациях на базе самоочевидных ожиданий. Социальные взаимодействия в контексте повседневности зиждутся на предпосылке единообразия восприятия ситуаций взаимодействия всеми его участниками. Другие признаки повседневности: нерелективность, отсутствие личной вовлеченности в ситуации, типологическое восприятие участников взаимодействия и мотивов их участия. Повседневность противопоставляется: как будни — досугу и празднику; как общедоступные формы деятельности — высшим специализированным ее формам; как жизненная рутина — мгновениям острого психологического напряжения; как действительность — идеалу»¹.

В целом с предложенной дефиницией можно согласиться. Однако представляется, что некоторые положения, раскрывающие ее, сомнительны. Вряд ли можно согласиться с тем, что повседневное бытие человека нерелективно. В статье «Историзм повседневности» Л.Г. Ионин пишет: «Повседневность исторична, поскольку она представляет собой мир культуры, который, как писал Шюц, “мы воспринимаем в его традиционности и привычности, и который доступен наблюдению, потому что ‘уже данное’ отсылает человека к его собственной деятельности и деятельности других, осадком, остатком которой оно является...” Историчность как соотнесенность с прошлым и будущим является одним из обязательных измерений повседневной жизни»². Если при выработке дефиниции ее автор оставался на прежних позициях, артикулированных годом ранее, то совершенно непонятно, каким образом «мир культуры», пусть и воспринимаемый в его традиционности и привычности, т.е. в конечном счете мир переживаемого прошлого, может быть «нерелективным». Переживание, в общем-то, именно релективно, это — интерпретация исторического опыта. По Ионину повседневность противопоставляется «как будни — досугу и празднику». Однако досуг, несомненно, есть часть повседневного бытия человека, а ритмически повторяющиеся в традиционных обществах праздники становятся именно ожидаемыми в своем характере явлениями и обставляются довольно рутинными ритуалами и обрядами. Равным образом «общедоступные формы деятельности» противопоставляются здесь «высшим специализированным ее формам». Пожалуй, это было бы так, если бы социум не был стратифицирован в культурном отношении настолько, что «высшие специализированные формы» деятельности ряда социокультурных групп (ученых, писателей, художников, артистов, юристов и других специалистов разных направлений и уровней специализированности, например, вплоть до взломщиков сейфов) не становились бы их повседневной деятельностью. Представляется, что в поле повседневности «общедоступные формы деятельности» именно

сочетаются с «высшими специализированными ее формами», а вот в обыденности, действительно, противопоставляются ей, равно как именно обыденности свойственна нерелексивность и т.д. Например, в данный момент, исследуя повседневность на уровне теоретического знания (специализированный уровень), мы остаемся в рамках повседневности, ибо занятия теоретическими исследованиями есть повседневность исследователя. Даже человек, творящий уникальное и единичное и как бы выходящий за рамки повседневности, остается в рамках этой повседневности: для Микеланджело ваение «Давида» было его повседневной работой. Противопоставление повседневного как будничного праздничному, повседневного неповседневному ведет к логической противоречивости, поскольку существуют разные уровни повседневности: праздники любого вида вписываются в календарь человеческого бытия, война, по определению, есть повседневность военных (для нее они и существуют), риск — повседневность спасателей, их «трудовые будни» и т.д. Думается, что в дефиниции, предложенной Иониным, ряд раскрывающих ее содержание признаков нужно отнести к обыденности, которая, очевидно, не есть синоним повседневности, коль скоро это понятие не прозвучало в определении.

Специализированное и обыденное сознание различаются, но это не значит, что повседневное бытие отличается от какого-либо иного бытия, если оно существует. Нужно согласиться с Евой Анчел, утверждающей: «Мир повседневности отнюдь не состоит из одних материальных предметов и событий, с которыми индивид сталкивается в своем ближайшем окружении. Это социальная и культурная действительность, в которой человек может чувствовать себя устойчиво потому, что явления этого мира для других людей по своей сути обозначают то же самое... Повседневность — это та реальность, в которой человек может понять других людей и совместно с ними действовать: здесь возникает их общий, коммуникативный мир. Повседневная жизнь является специфической формой социализации человека, изначально повседневный мир не является частным миром человека, он интересубъективен»³.

Обратившийся к культурологическому изучению повседневности В.Д. Лелеко не дал ее дефиниции, хотя детально исследовал ее различные культурологические аспекты, прежде всего, пространство и время повседневности. Однако его концепция повседневности просматривается очень четко, и здесь мы обнаруживаем все то же противоречивое противопоставление повседневного и неповседневного. С одной стороны, «в повседневности человек имеет дело с явлениями, процессами, событиями, делами, происходящими, слушающимися, вершащимися каждый день и повторяющимися изо дня в день». С другой же, «традиция и обычай определяют и праздничные, и другие неповседневные события», «ежедневное свободное время

и его занятия, а также сон и вера... *не относятся к повседневности...* Пассивный (ничегонеделанье или безделье) и активный отдых (игры, развлечения и любительские занятия) по природе своей противоположны *повседневности*. Говоря о праздниках («они случаются ежедневно или с близкой к ежедневности частотой. Здесь мы имеем дело с “праздником в буднях”... с *ежедневным, каждодневным* (по частоте... происходящего), но не *повседневным* (по сути, содержанию)»)⁴, Лелеко исключает их из повседневного. Создается устойчивое представление, что для него обыденность («будничная необходимость», «нормативная повседневность») и повседневность — одно и то же. Однако думается, что сон (ритуал отхода ко сну и «способ спать») столь же повседневен, как и вера и в ее внутреннем выражении (она постоянно присутствует в человеке), и в ее внешнем отправлении (ежедневные молитвы, посещение богослужений и т.д.). Равным образом повседневен отдых, сменяющий труд. Отдых, сон, праздник для человека — такая же будничная необходимость, как труд и быт. Рассуждения В.Д. Лелеко вступают в противоречие с его утверждением об универсальности повседневности.

Действительно, сегодня наряду с термином «повседневность», как равноценное, иногда употребляется слово «обыденность». Например: «Культуролога... интересует в культуре... и бытовое, и повседневное... выделяется... культура повседневная, обыденная»⁵. Думается, что использование понятий «повседневный» / «бытовой» и «обыденный» как синонимов, безосновательно. «Толковый словарь» В. Даля различает эти два понятия: в те времена «повседневный» трактовалось как совершающийся ежедневно, изо дня в день, а «обыденный» — как обиходный, привычный, в противоположность исключительному. Я предлагаю «обыденность» понимать в более узком смысле, лишь как повседневность, связанную с бытом. Это также культурная практика, реализация культурных норм и стандартов, но не во всей их совокупности, а только в части их. Обыденность в огромной степени лишена рефлексивности и существует в сфере традиционного, привычного, совершающегося автоматически. Обыденность — часть повседневности, из которой изъята специализированная инновативная деятельность. Это совокупность неинновативных традиционных форм деятельности.

Все это может быть воспринято лишь как «игра в слова». До известной степени это так и есть. Но в академической науке такая игра необходима, ибо в ходе нее создаются отправные точки для исследования.

В индивидуальной жизни человека ряд уникальных событий (рождение и смерть) выходят за рамки повседневности, за рамки нормы. Это единичные и решающие (что может быть единичнее и решающее смерти!) события. Однако в жизни социума, на фоне

которой жизнь индивида не что иное, как мгновение, эти события уже оказываются своеобразной нормой, повседневными явлениями, о чем свидетельствуют устойчивые традиции и обряды, связанные с такими уникальными для индивида событиями. Думается, что никто не будет оспаривать органическую вписанность традиций и обрядов в повседневную жизнь.

В связи с предыдущими рассуждениями необходимо остановиться на понятии «переживание», являющемся ключевым в предложенном определении повседневности, а точнее, на переживании прошлого, истории. В словарях «переживание» трактуется как «душевное состояние, вызванное какими-нибудь сильными ощущениями, впечатлениями», «обостренная эмоциональная реакция на что-либо»⁶. Например, это может быть реакция на несоответствие наблюдаемой реальности ее ожидаемому проявлению, детерминированному всем предыдущим опытом, т.е. прошлым. Следовательно, переживание прошлого и настоящего – это реакция на недостаточность своего социального опыта. Переживание имеет двоякий характер. С одной стороны, это сильная одномоментная реакция на неожиданную ситуацию, выходящую за рамки опыта. С другой стороны, это переживание-«проживание», типа «Я пережил тяжелую болезнь», «Я пережил войну»; наконец, человек может переживать просто длительный период бездействия, скуки, тоски. Человек «проживает» некие события или ситуации достаточно долго, умственно и психологически оказываясь под их долговременным воздействием, причем воздействием как в момент самого события, так и долго после его окончания (например, смерть близких). В таком случае переживание является длительным и перманентным психологическим процессом освоения индивидом и обществом нового исторического опыта, детерминирующим новые социокультурные черты в бытии этого индивида и сообщества. *Переживание – это интерпретация исторического опыта.* Под грузом переживаний имеет место «остаточная деформация». Человек постоянно находится под давлением всего предыдущего опыта, как недавнего, так и отдаленного, и «деформируется» под этим давлением, а новый опыт с необходимостью несет на себе отпечаток прошлого. Соображение А. Шюца об «уже данном», как «осадке» деятельности, подкрепляет это рассуждение. Американский историк и социолог Ч. Тилли провозгласил главной задачей социальной истории реконструкцию человеческого опыта *переживания* крупных структурных изменений, результатом чего является «инкорпорация *повседневной жизни* в бурные воды исторического процесса»⁷. Таким образом, ключевую роль в реконструкции повседневности играют категории опыта и переживания (индивидуальных или коллективных), в которых сконцентрирована тесная внутренняя связь субъекта истории (каковым могут быть индивид, общность, нация) с объективными условиями его бытия, с

природными, социальными, экономическими, политическими детерминантами его индивидуальной и коллективной деятельности.

Рассуждения на тему истории представляются необходимыми ввиду существования представлений об отсутствии связей «истории» как совокупности глобальных событий, с якобы лишенной событийности повседневностью. Так, М.И. Козьякова утверждает: «Традиционное событие истории только “держит” эту субстанцию (повседневность. — Л. Б.) своими временными рамками, почти не влияя на нее... Событие, являющееся краеугольным камнем традиционной историографии, растворяется в энтропии повседневности»⁸. Очевидно, по Козьяковой, такое событие, как октябрьский социально-политический переворот 1917 г., разрушивший целый мир, изменивший повседневную жизнь миллионов людей, исчез в этой повседневности, «внеисторичности» бессобытийной жизни этих людей, даже не заметивших его. На деле же повседневность абсолютно детерминируется событиями истории, переживанием этих событий. Переживание времени, истории заключается в том, что человек в своих чувствах, мыслях и поступках всегда несвободен от социально значимых событий его эпохи, даже если эти события представляются ему «нормальными». «История вершится в повседневном мире, — пишет Е. Анчел, — вершится и тогда, когда не происходит ничего такого, что летописец счел бы возможным зафиксировать для его потомков»⁹, т.е., добавим, тогда, когда в мире все идет нормальным и естественным ходом. Но времена меняются, и вместе с ними «представления людей о нормальном и естественном меняются в ходе истории». Совершенно верно сказано: «Реальное прошлое, т.е. физические действия предшественников, так же, как и “наполнявшее” их эмоциональное смысловое содержание не изменились... не изменились и ушедшие в прошлое типологические модели, которыми пользовались наши предки. Но само это изменение прошлого влияет на обыденные и научные типологии, применяемые нами в общении с нашими современниками, и в этом смысле можно говорить о неприемлемом, но все же активном воздействии прошлого на настоящее»¹⁰.

При этом прошлое в сознании человека может быть как адекватным объективному бытию, так и представляемым, искаженным под влиянием тех или иных факторов. Даже личное прошлое индивида по прошествии некоторого времени обычно представляется не совсем таким, каким оно было на деле: представление о нем деформируется под влиянием нового опыта. Тем более подвергается многочисленным деформациям прошлое социокультурной группы или этноса, т.е. то, что называется историей. Это может быть переживание как подлинных исторических реалий, так и того, что принимается за реалии. Под их воздействием и совершается деятельность. Вся практика общественного бытия детерминируется переживанием прошлого. Это переживание формирует такое явление, как мифологемы — *порожденные*

инстинктивным стремлением к комфортному переживанию настоящего культурные формы психологической самозащиты людей в кризисные эпохи. В отличие от мифа, в котором реализуется картина мира архаического человека, они имеют форму искусственно возникающей и органически вписывающейся в массовое сознание системы иллюзорных, имеющих внешнее сходство с реальностью идеальных представлений о настоящем или об исторических эпохах, событиях, персонажах и о собственном месте в истории. Мифологемы – это своеобразная форма веры, «костыли» для не уверенного в себе, не имеющего опоры в себе человека, способ компенсации дефицита информации. Они направлены на поиски идеалов, утраченных в данный момент. Это феномен культуры, ярко характеризующий культуру данной эпохи и культурное состояние общества или части его, исповедующей данные мифологемы. Это попытка «экономии» в интеллектуальном напряжении, стремление уйти от подлинной сложности бытия, свести его к черно-белым бинарным оппозициям и «инфантилизировать» систему представлений о прошлом и настоящем своей среды. В этом смысле мифологемы – типичное явление массовой культуры, ничем не отличающееся от национальной и социальной демагогии, которая, собственно, вся построена на них. Они принадлежат преимущественно массовой культуре, ибо рассчитаны на широкие массы или порождаются ими. Одним из образчиков массовой культуры является политическая пропаганда, рассчитанная именно на широкие массы, политическая же пропаганда, несомненно, есть часть повседневной жизни. Недаром К. Маркс в «Немецкой идеологии» подчеркивал, что «вся идеология сводится либо к превратному пониманию истории, либо к полному отвлечению от нее»¹¹. Исторические мифологемы, занимающие особенно важное место в повседневности как своеобразный артефакт культуры, – это попытка компенсации утрат, ностальгия по несуществующим свойствам общества, якобы присущим ему в прошлом. Они как раз и есть переживание прошлого. Повседневность несет в себе окраску переживания человеком своего прошлого, личного или коллективного, и исторические мифологемы как одна из форм переживания истории обращены в прошлое и проецируются на настоящее, органически вписываясь в повседневность.

Как сложноорганизованная система, повседневность включает обыденные формы сознания: мироощущение, мировосприятие, мирозерцание, верования, коллизии мифотворчества и мифологемы, переоценки ценностей в связи с картиной мира и жизненными идеалами данного индивида, этноса или социума в каждую данную эпоху. В известной мере они определяют характер человеческого быта. Повседневность включает такой трудноуловимый элемент, как социальная психология: представление о себе, об окружающей среде, о своем месте в этой среде и, под воздействием этих представлений,

взаимодействие с этой средой. С другой стороны, социальная психология во многом формирует повседневность человека, его «способ быть». Наконец, важной детерминантой повседневности является национальный характер, в свою очередь формирующийся в определенной природной и социально-политической среде обитания.

В связи с изучением повседневности необходимо ее структурирование, расчленение во времени, пространстве и социуме. Но эта расчлененность довольно условна, поскольку имеют место наследование культурных норм и стандартов, культурные контакты, переходные социокультурные группы. Для выделения подструктур повседневности можно было бы применить социально-функциональный подход, выделив повседневность «сельских производителей», «городских производителей», «производителей и ретрансляторов интеллектуальной продукции», «производителей и ретрансляторов социального порядка», «нарушителей социального порядка». Но при таком подходе в одну группу, например, сельских производителей, попадают представители разных социальных структур: крестьяне, помещики, сельские ремесленники, батраки, управленцы и исполнители, представители социальной верхушки и социальных низов и т.д. Возможно, более оптимальным был бы иной подход, а именно вычленение городской и сельской повседневности. Так, производители и ретрансляторы интеллектуальной продукции, производители социального порядка и его разрушители принадлежат преимущественно городской среде, особенно в традиционных сообществах. А уж внутри этих больших структур можно выделять родственные подструктуры.

Приемлемым представляется и сравнительно простое трехчастное структурирование по видам деятельности: труд, быт и отдых. Ведь вся повседневная жизнь человека и состоит из этих трех видов деятельности: трудовой, бытовой и рекреационной, поскольку главная задача бытия сообщества — воспроизведение популяции — обеспечивается, прежде всего, трудом. Им во многом детерминируются тип быта и формы отдыха, а такие ценности, как мораль, семейные и межличностные отношения, воспитательные процессы, даже идеал красоты ориентированы в значительной степени на труд или психологическое отторжение от него. Выделяя сельскую и городскую повседневность, а внутри них повседневную жизнь социально-функциональных групп с учетом их характерных черт (социальных, экономических, профессиональных, образовательных, этнических, конфессиональных характеристик), применительно к каждой из них можно изучать нормы и стандарты трудовой, бытовой и рекреационной деятельности.

Под трудом обычно подразумевается деятельность по созданию материальных и духовных ценностей. Она может иметь нетворческий стереотипный характер и быть по преимуществу неспециализиро-

ванной. Это стереотипное воспроизведение повторяющихся образцов каких-либо материальных ценностей или приемов, технологий. Нетворческой может быть и деятельность специализированная, характерная для профессионально подготовленных работников, которые зачастую ограничиваются стереотипным воспроизведением повторяющихся приемов и образцов, что отнюдь не исключает творческого подхода к труду. Но труд может быть и творческим, инновативным, относясь преимущественно к профессиональной культуре. Творчество в данном случае понимается как специализированная деятельность лиц, профессионально, в силу своей специальной подготовки занятых созданием культурных ценностей любого рода. Сюда включается как сам процесс творчества, являющийся обыденностью для этой части общества, так и результаты этого творчества. Эта сфера повседневности преимущественно есть удел так называемой культурной элиты, социокультурной группы профессионалов, обладающих высоким уровнем компетенции и занятых разработкой и развитием знаний, технологий, образного языка культуры, политических, моральных и религиозных доктрин и т.п. Однако отметим, что творчество, как тип деятельности, свойственно не только культурной элите, но и значительно более широкому кругу людей, и может принадлежать обыденности (разные формы художественной самодеятельности, техническое любительство и т.п.), а также находить свое место в обыденном и нетворческом труде (рационализация). В любом случае творческая деятельность характеризуется инновативностью как особым типом решения проблем, не поддающихся решению с помощью имеющихся технологий, а в некоторых видах деятельности ее нетворческий характер просто не практикуется. Но, применительно к повседневности, труд — не только и не столько средство создания ценностей, а, прежде всего, создание оснований для продления повседневной жизни. Мало того. Уголовный преступник-профессионал, нищий-профессионал ценностей не создают, а, пожалуй, даже разрушают. Но кто скажет, что они не трудятся? Трудятся, и нередко весьма квалифицированно и изобретательно.

В качестве второй подструктуры повседневности предлагается принять быт. Иногда повседневность молчаливо представляют как некий аналог быта. Но это лишь одна из важнейших подструктур повседневности, включающая все внеправовые и внеэкономические регуляторы общественного стереотипного поведения — все, что стабильно в повседневной жизни человека и составляет единую систему его бытования в социуме. В наших словарях быт трактуется как «уклад повседневной жизни, внепроизводственная сфера, включающая как удовлетворение материальных потребностей... так и освоение духовных благ». Нужно отметить, что если быт есть «непроизводственная сфера» (а это так), то повседневность включает в себя и производство,

труд, в том числе и производство «духовных благ», т.е. творчество: труд есть важная составная часть повседневности.

Но и сам быт — явление неоднородное, нуждающееся в структурировании. Еще в XIX в. русские ученые, обратившиеся к истории народного быта, нередко членили его на частный, домашний и общественный. Современные словари подразделяют быт на «общественный, городской, сельский, семейный, индивидуальный». Здесь предлагается следующая структура: 1) быт частный («домашний», «семейный» и т.п.); 2) быт общественный; 3) быт официальный.

Частный быт ограничен рамками семьи, «дома», и регулируется условиями бытия, средой обитания, преимущественно природной, индивидуальными потребностями, склонностями и возможностями. Складывается он спонтанно. Он включает неофициальные межличностные и межгрупповые (в пределах микрогрупп), семейные отношения, тип жилища, орудия труда, утварь, кухню, костюм и пр.

Общественный быт также складывается спонтанно и регулируется преимущественно традициями, обычаями, спецификой общественной среды обитания и распространяется на более или менее широкие группы людей, социальные, профессиональные, этнические, конфессиональные, т.е. в конечном счете можно говорить, расширяя границы, о социальном, профессиональном, этническом, конфессиональном быте.

Официальный быт формируется искусственно и регулируется официальными нормативными актами (воинскими уставами, ведомственными инструкциями и правилами, законодательными актами и пр.) и распространяется на круг лиц, так или иначе связанных с государственными и общественными институтами и учреждениями. Однако он может вторгаться и в сферу общественного и даже частного быта. Наиболее жестко регламентируется быт в армии и флоте, причем здесь трудно понять, где кончается быт общественный и начинается быт официальный. Разумеется, в разные эпохи, в разных странах и различных социальных или профессиональных группах регламентация быта была то более, то менее жесткой, он регламентировался официальными нормативными актами или просто традициями, приобретающими силу закона. Но все же регламентация имела место.

Структурирование быта имеет условный, операциональный характер. Но его использование позволяет четко проконтролировать полностью описание быта и продемонстрировать особенности повседневности в данную эпоху и в данной стране. Просто так удобнее работать, анализируя повседневность в расчлененном виде. Но моделировать ее необходимо как нерасчленимую целостность. Ведь жизнь нерасчленима, и в ней постоянно имеет место взаимопроникновение элементов разных сторон этой жизни и их смешение, слияние в нерасторжимое целое. Приведем пример такого слияния. В XVIII в. английский адми-

рал Вернон приказал на кораблях своей эскадры выдавать матросам в плохую погоду ром, разбавленный горячей водой. Это – элемент официального быта, основанный на формальном приказе. Вернон имел привычку в плохую погоду носить грубошерстный шотландский плащ, называвшийся «грогрэм». Это – индивидуальная привычка, относящаяся к частному быту. Из-за этого плаща непочтительные матросы прозвали Вернона «старым грогом». Прозвище – элемент общественного быта. А в результате в английский, сначала морской, а затем и всеобщий быт вошел напиток, получивший название грога – ром, разбавленный горячей водой.

Отдых (досуг) – род деятельности, не входящей в постоянные специализированные или профессиональные занятия и не являющийся творческим инновативным или нетворческим стереотипным трудом, не служащий, так сказать, источником хлеба насущного. Он свидетельствует лишь о широте интересов индивида и социума на данном историческом этапе и связан с господствующими вкусами, модами, стереотипами. Формы проведения досуга могут быть стереотипными и творческими, активными и пассивными. Разнообразие форм проведения досуга – признак высокого уровня духовного развития общества, сужение же этих форм – свидетельство падения этого уровня.

Образно говоря, мы получаем «три источника и три составные части» повседневности: а) природную и социальную среду, б) общественные установления и государственные акты, в) материальный и образовательный уровень людей и 1) труд; 2) быт; 3) отдых. В результате такого структурирования мы получим сложную многоуровневую структуру, в которой, однако, все уровни окажутся в той или иной степени взаимосвязанными, находящимися в системной связи. Таким образом, перед нами может предстать широкая и цельная картина культурно-исторической действительности.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Ионин Л.Г.* Повседневность // *Культурология: XX век: Энциклопедия*. В 2 т. Т. 2. – СПб., 1998. – С. 121; См. также: *Культурология: XX век: Словарь*. – СПб., 1997.

² *Ионин Л.Г.* Историзм повседневности / Ускорение социально-экономических процессов и культурные проблемы социальной организации. – М., 1987. – С. 35, 36.

³ *Анчел Е.* Этнос и история. – М., 1998. – С. 106, 107.

⁴ *Лелеко В.Д.* Пространство повседневности в европейской культуре. – СПб., 2002. – С. 103, 107, 111 – 112.

⁵ *Народная культура в современных условиях* // отв. ред. Н.Г. Михайлова. – М., 2000. – С. 7, 9.

⁶ *Ожегов С.И.* Словарь русского языка. – М., 1983. – С. 444.

⁷ Цит. по: *Ретина Л.П.* Смена познавательных ориентиров и метаморфозы социальной истории // *Социальная история. Ежегодник 1988/89*. – М., 1999. – С. 10.

⁸ Козьякова М.Д. История. Культура. Повседневность. Западная Европа от античности до 20 века. – М., 2002. – С. 4.

⁹ Анчел Е. Этнос и история. – С. 109.

¹⁰ Ахизер А.С. Основания воспроизводственных процессов в культуре // Ускорение социально-экономических процессов и культурные проблемы социальной организации. – М., 1987. – С. 37, 39.

¹¹ Цит. по: Барт Р. Мифологии. – М., 2002. – С. 278.

Аннотация

В статье предлагается ориентированная на изучение истории повседневности авторская дефиниция понятия «повседневность», на этой основе критически рассматриваются дефиниции, выдвинутые Л.Г. Иониным, В.Д. Лелеко и др. и дается вариант структурирования повседневности.

Ключевые слова: повседневность, культура, культурная среда, культурно-исторический процесс, образ жизни, переживание, обыденность, мифологемы, труд, быт, отдых.

Summary

The article offers an original definition of «everyday life», oriented on the history of this notion, critically examines the definitions, offered by L. Ionin, V. Leleko and others, and considers a variant of structuring everyday life.

Keywords: everyday life, culture, cultural environment, cultural and historic development, lifestyle, experience, mundanity, mythologems, labor, household, recreation.